

РОССИЙСКАЯ ПРОФЕССУРА: «ПОД КОЛПАКОМ» У ВЛАСТИ*

В 1990 г. в Институте истории естествознания и техники РАН создана проблемная группа, в задачу которой входит подготовка многотомного биографического словаря «Российская профессура. XVIII — начало XX вв.», включающего всех профессоров Российской империи, получивших это звание до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; биографии сгруппированы в тома по основным областям знания — химические, биологические, физико-математические, технические науки, науки о Земле и общественные науки. Цель работы — ликвидировать «белые пятна», неточности и ошибки в освещении жизненного пути, научного творчества, педагогической и общественной деятельности российских профессоров; снабдить каждую биографию сведениями об основных трудах ученого, списком литературы о нем, а также перечнем неопубликованных документов, хранящихся в архивах (личные дела, послужные списки, свидетельства о социальном происхождении, рукописи научных трудов, переписка, фотографии и т. п.); последнее представляется особенно важным — это включение в активный научный оборот нового обширного пласта ценных документальных материалов. По замыслу, в целом словарь должен впервые дать максимально полный и всесторонний портрет этого слоя российской интеллигенции. Такая постановка вопроса вполне оправданна, поскольку до сих пор литература по этой проблематике отличалась неполнотой и фрагментарностью; она представлена универсальными биографическими словарями, включающими, однако, очень небольшое число интересующих нас персоналий, или же очерками об отдельных, наиболее выдающихся деятелях отечественной науки; отрывочные сведения биографического характера можно найти в историко-научных обзорах и в биографических словарях профессоров отдельных университетов (Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Юрьевского и др.), которые, однако, изданы небольшими тиражами и почти все — более 100 лет назад и, следовательно, давно стали библиографической редкостью. В зарубежных биографических словарях (Дж. Гиллиспи, А. Мондадори и др.) представлены лишь отдельные отечественные ученые, главным образом жившие в эмиграции.

Наша задача — собрать и обобщив уже опубликованное, дополнить словарь оригинальными материалами о забытых и ранее вовсе неизвестных деятелях отечественной науки и просвещения. Поэтому основной информационный источник для нашей работы — документальные материалы о деятельности российских профессоров, хранящиеся в многочисленных архивах — центральных, областных, городских, а также в архивах вузов (в дореволюционной России действовали в разные годы 15 университетов, 7 политехнических и технологических институтов, 8 сельскохозяйственных, 9 медицинских, 3 военные академии, а также лицей и др.). Собранный материал послужит основой для создания электронного банка данных «Российская наука и ее деятели (XVIII — начало XX вв.)» — эмпирической базы для разработки нового в нашей стране научного направления — просопографии (метод коллективной биографии, который может найти и уже на-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

ходит плодотворное применение в науковедческих исследованиях). В настоящем сообщении мы хотим коснуться специфического материала, выявленного нами в процессе подготовки словаря: жандармских и чекистских досье, которые в совокупности с другими литературными и архивными источниками позволяют осветить как политическую ориентацию российской профессуры дореволюционного периода и первых лет советской власти, так и отношение к ней государства.

Как известно, многие представители профессорско-преподавательского корпуса придерживались либерально-демократических взглядов и до революции находились под наблюдением полиции. Нами были выявлены и изучены хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде Департамента полиции, в том числе Особого отдела, досье, заведенные на профессоров, преподавателей и студентов, включающие донесения тайных осведомителей о настроениях и политических взглядах профессуры и студенчества, переписку Департамента полиции о запрещении научных изданий, закрытии научных обществ, перлюстрированные письма и др. документы, представляющие интерес для историков науки и биографов.

Ознакомление с этими материалами обнаружило большую «широту охвата» в работе охраны: «под колпаком» находился едва ли не весь преподавательский состав, причем основанием для заведения «дела» служили не только принадлежность к запрещенным партиям, участие в выступлениях в защиту университетской автономии или критическое высказывание в адрес властей, но и совсем незначительные поводы. Вот лишь несколько примеров. В деле «О проф. Московского университета И. М. Сеченове» (1898 г.) читаем: «Из секретных сведений Особого отдела Департамента полиции усматривается, что в 1872 г. масса слушателей посещала лекции Сеченова и Боткина, которых вследствие этого Правительством изволило удалить из Медицинской академии, т. е. от Того, что они своими лекциями приобрели большую популярность между студентами» [1].

На профессора геологии Московского университета А. П. Павлова в 1898 г. было заведено дело на том основании, что летом 1902 г. он собирался совершить с 7 студентами экскурсию по Волге от Казани до Астрахани, а затем в Киргизские степи [2].

В 1907 г. на выпускника Юрьевского университета, одного из первых российских радиохимиков В. А. Бородавского было заведено дело по доносу инспектора Юрьевской торговой школы в Лифляндское губернское жандармское управление — о том, что «магистр химии Василий Андреев Бородавский вел противоправительственную агитацию среди учеников означенной выше школы» [3].

Служка велась и за российскими подданными, проживающими за границей, Сохранилось досье на физика и биолога-экспериментатора П. И. Бахметьева, профессора (с 1890 г.) Софийского университета, в котором скрупулезно перечисляются все подробности его многолетнего пребывания за границей, включая имена соотечественников, с которыми ему приходилось встречаться [4].

Что же касается дел на лиц, привлеченных к дознанию, то здесь для историков сохранились многочисленные документы, касающиеся биографии и политических взглядов того или иного обвиняемого, членов его семьи и ближайшего окружения, антропометрические данные (рост, вес, цвет волос и глаз, особые приметы), сведения о заболеваниях подследственного, перехваченная переписка. Например, в деле «О бывшем студенте Киевского университета Н. А. Бердяеве», в 1898—1902 гг. отбывавшем ссылку в Вологде, сохранилось заключение консилиума врачей о состоянии его здоровья на июнь 1900 г.: «... г. Бердяев, 26 лет от роду, роста среднего, телосложением умеренным, малокровен. Жалуются на головные боли, нервные подергивания в лице и шее, бессонницу, мышечный ревматизм, особенно в нижних конечностях... за время пребывания в гор. Вологде он не заметил какого-либо ухудшения в состоянии своего здоровья... настоящее освидетельствование не дало достаточных оснований для того, чтобы признать необходимым для Бердяева переселение в более теплый климат». Однако уже в

феврале 1902 г. врачи заключают: «... страдает хроническим суставным ревматизмом, часто обостряющимся, хроническим катарром зева и гортани. Нервная система г. Бердяева также расшатана, что сказывается в сердцебиении... Вследствие своего болезненного состояния пребывание больного в суровом северном климате вредно отражается на его здоровье и для скорейшего выздоровления ему необходим более сухой и теплый южный климат» — речь шла о переезде из Вологды в Житомир [5].

В объемистом деле «О профессорах, придерживающихся левого направления» [6] собраны документы, относящиеся к 1910—1911 гг. и отражающие растущее беспокойство правительства в связи с усиливающимся революционным движением. В циркулярном письме от декабря 1910 г. директор Департамента полиции предлагает всем начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений городов, имеющих высшие учебные заведения, в связи с ожидаемыми в январе—феврале 1911 г. студенческими волнениями, немедленно приступить совершенно негласным путем к сбору сведений о тех профессорах, которые «на лекциях и в иных случаях общения с учащейся молодежью позволяют вопреки долгу присяги систематически прививать своим слушателям, под видом якобы научных выводов, явно революционные идеи...» Этот инструктаж был прямо связан с ожидавшимися акциями протеста в ответ на действия министра народного просвещения Л. А. Кассо, ликвидировавшего ряд академических свобод. В результате в Департамент полиции поступило около 500 секретных справок о политических взглядах и общественной деятельности отдельных профессоров и преподавателей — своеобразная моментальная фотография настроений либерально-демократической профессуры в целом. Отделение по охране общественной безопасности в Москве представило в Департамент полиции докладные на 125 человек, среди которых были В. И. Вернадский, И. А. Каблуков, А. Е. Чичибабин, П. И. Новгородцев, В. И. Герье, С. Н. Булгаков, Е. И. Шпитальский, И. А. Ильин. Приведем некоторые из этих справок.

«Брилинг Николай Робертов, лаборант Московского технического училища, будучи студентом названного училища, участвовал в студенческих беспорядках, происходивших в Москве в 1902 году, за что ему было воспрещено жительство в Москве и Московской губернии, сроком на два года, считая таковой с 8 мая того же года, каковое ограничение в феврале 1904 года с него было снято, и, кроме того, Брилинг участвовал в беспорядках в 1899 году» [6, л. 33]. В советское время Н. Р. Брилинг (1879—1961) стал членом-корреспондентом АН СССР (1953), видным ученым в области автомобилестроения и двигателей внутреннего сгорания.

«Новгородцев Павел Иванович, профессор Московского университета, известен принадлежностью своею к конституционно-демократической партии. Подписал в числе других лиц воззвание „К народу, от народных представителей“, выпущенное после роспуска 1-й Государственной Думы, за что понес определенное по суду наказание. В 1907 году, состоя директором Московского коммерческого училища, разрешил сходки, имевшие революционный характер. В настоящее время принадлежит к кадетской партии и состоит сторонником самой широкой университетской автономии» [6, л. 96]. Новгородцев — юрист и философ — эмигрировал из России в 1917 г., умер в Праге в 1924 г.

«Булгаков Сергей Николаев, профессор Московского университета, будучи студентом названного университета, входил в состав Елецкого землячества, к числу его знакомых принадлежали лица, состоящие под негласным и гласным надзором полиции. Кроме того, Булгаков известен как ревностный последователь Маркса. Агентурные сведения: в бытность профессором Киевского политехнического института был убежденным марксистом и примыкал к партии социал-демократов; в настоящее время, отдавшись религиозному мистицизму, является т. н. христианским социалистом; влияние его в студенческой среде в последнее время сильно упало» [6, л. 37]. Философ, богослов и экономист, один из идейных руководителей Русского студенческого христианского движения, Булгаков с 1923 г. нахо-

ОТДЕЛЕНИЕ
по охране общественной безопасности
и порядка в г. Москве.

Секретно.

СПРАВКА.

КАБЛУКОВ Иванъ Алексеевъ про-
фессоръ Московскаго Университета, по мнѣн-
ю въ Отделеніи секретнымъ свидѣніемъ, принад-
лежитъ къ лицамъ либеральнаго направленія
пользуется широкой популярностью среди студен-
чества и всегда идетъ на встрѣчу всѣмъ иногда
даже незаконнымъ начинаніямъ студентовъ и кромѣ
того является постояннымъ ^и защитникомъ ^и справомъ
студенчества на засѣданіяхъ профессоровъ.-

.15. Января 1911 года.

дился в эмиграции, с 1925 г. до конца жизни (умер в 1944 г.) был профессором догматики и деканом Русского богословского института в Париже.

«Шпитальский Евгений Иванович, лаборант Московского университета, участвовал в студенческих беспорядках, происходивших в Москве в 1901 году, за что временно удален из столицы в Тулу» [6, л. 147]. Физико-химик Шпитальский в 1929 г., сразу после избрания членом-корреспондентом АН СССР, был репрессирован, умер в 1934 г. в заключении, место смерти неизвестно.

Киевское охранное отделение сообщило, что «Андрусов Николай Иванович, ординарный профессор по кафедре минералогии и геологии, доктор минералогии и геологии, проживающий в городе Киеве в доме № 4 по Виноградской улице, известен Отделению из сообщения Департамента полиции от 30 августа 1909 года за № 135189 тем, что на него из Парижа адресовалась нелегальная литература...» [6, л. 216]. Крупнейший русский геолог и палеонтолог в 1920 г. выехал из Севастополя в Константинополь, в 1921 г. работал в Сорбонне, в 1922—1923 гг. — в Пражском университете, в 1924 г. умер в Праге.

«Экстраординарный профессор, магистр химии, коллежский советник Лев Владимирович Писаржевский, 39 лет, известен Департаменту полиции и Отделению своими сношениями с иногородними и иностранными членами партии социалистов-революционеров, но осветить его деятельность и связи по гор. Киеву, ввиду чрезвычайной конспиративности и осторожности Писаржевского, проживающего к тому же в усадьбе Политехнического института, до сего времени не удалось» [6, л. 194].

«Северцов Алексей Николаевич, статский советник, ординарный профессор по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии, проживает в доме № 35 по Пушкинской улице, известен своим крайне левым направлением и популярностью среди партийных студейтов» [6, л. 218 об.].

«Яворский Владимир Поликарпович, лаборант химической лаборатории Киевского университета и коммерческого института, проживает в г. Киеве в доме № 58 по Владимирской улице, состоявший как политически неблагонадежный под гласным надзором полиции в 1903 году, в 1906 году подвергался в г. Киеве обыску... В настоящее время по собранным сведениям Яворский придерживается левого направления и своим авторитетом поддерживает революционное настроение студентов» [6, л. 217]. Химик-органик В. П. Яворский (1876—1942), академик АН УССР (с 1934) с 1939 г. до конца жизни возглавлял Институт органической химии АН УССР. Автор оригинальных работ, посвященных синтезам с участием неопределенных галогенмагнийорганических соединений и химии органических производных.

Начальник Харьковского губернского жандармского управления представил в Департамент полиции справки на 139 (!) профессоров «левого» направления. Вот одна из них. «Красуский Иван Адамов. Приват-доцент Физико-математического факультета [Харьковского университета] по кафедре химии и преподаватель женского медицинского института (инженер-технолог). По агентурным сведениям в 1908 г. входил в состав „Академического союза“ и по тем же сведениям в 1909 году являлся одним из выдающихся левых профессоров» [6, л. 244].

Скромный список, всего на 7 профессоров Казанского университета, представил начальник Казанского жандармского управления:

«1. Профессор Дмитрий Николаевич Зейлигер (физико-математический факультет), происходящий из евреев. Будучи крайне левым, он с началом освободительного движения искал общения со студентами и популярности среди них, читал свои лекции в „либеральном“ духе. В целях той же популярности он устраивал публичные лекции по механике. В настоящее время причисляет себя к партии к-д (левое крыло)*.

* Д. Н. Зейлигер (1864—1936) — математик и механик, разработал основы винтового исчисления (1890).

2. Профессор Дмитрий Александрович Гольдгаммер (физико-математический факультет), в период освободительного движения заявил себя как сочувствующий партии социалистов-революционеров; в настоящее время левый к-д. Читал свои лекции в 1907 году при закрытых дверях, он зачастую переходил с научных на политические темы. В последнее время его лекции носят „либеральный характер"...»* [6, л. 13—13 об.].

Начальник Лифляндского жандармского управления представил список, включивший профессора зоофизиологии Юрьевского ветеринарного института Я. К. Неготина и шесть «левых» профессоров Юрьевского университета (профессор зоологии К. К. Сент-Илер, профессор патологии А. И. Яроцкий, профессор диеттики и истории медицины Д. М. Лавров, профессор ботаники Н. И. Кузнецов, профессор всеобщей истории А. А. Васильев, профессор словесности Е. В. Петухов), и написал на всех одну общую справку: «Все эти люди по своим убеждениям примыкают к конституционно-демократической партии и, как известно, по бывшим ранее примерам в Совете университета при обсуждении мероприятий против студенческих беспорядков <...> обыкновенно принимали сторону волнующейся молодежи» [6, л. 11—12].

И после революции профессура привлекала не менее пристальное внимание новых властей. Уже в первые годы советской власти начался активный процесс избавления от лучших представителей интеллектуальной элиты, от инакомыслящих. Проходили процессы над «контрреволюционной интеллигенцией». Многих потрясло сообщение Всероссийской Чрезвычайной комиссии («Петроградская правда», 1 сентября 1921 г.) «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти» и расстреле 61 его активного участника, и в том числе — 15 молодых женщин, жен заговорщиков. В числе участников заговора были названы имена 31-летнего профессора географии В. Н. Таганцева, профессора-юриста Н. И. Лазаревского, профессора-химика М. М. Тихвинского, поэта Н. С. Гумилева, скульптора С. А. Ухтомского и других представителей интеллигенции. Среди расстрелянных оказался и М. М. Тихвинский, подвергавшийся преследованиям за свои убеждения и при царском режиме. Приведем для сравнения две справки — жандармскую и чекистскую.

Справка начальника Киевского охранного отделения от 28 февраля (13 марта) 1911 г. [6, л. 194 об]

«Ординарный профессор, инженер-технолог, статский советник Михаил Михайлович Тихвинский, 37 лет**, хорошо известен Департаменту полиции и Отделению, как один из видных деятелей партии социалистов-революционеров, в 1905 году руководивший по наружному наблюдению за членами местной организации и боевой дружины этой партии под кличкой „Добрый“. 31 января 1905 года присутствовал на студенческой сходке в столовой Политехнического института и совместно со студентами обсуж-

Справка Петроградской губернской чрезвычайной комиссий, опубликована 1 сентября 1921 г.

«Тихвинский Михаил Михайлович, 53 л., б[ывший] личный дворянин, профессор и инженер по обработке нефти, женат, б[ывший] с-д группы „Освобождение труда“, профессор и управляющий лабораториями Отдела Гл[авного] нефтяного комитета. Активный член П[етроградской] Боевой организации, был осведомлен о задачах, целях и тактике организации, давал организации сведения для напечатания в заграничной белой прессе о состоянии нефтяной промышленности Республики Нобелю в Сток-

* Д. А. Гольдгаммер (1860—1922) — физик, первым исследовал магнетосопротивление и термоманнитные явления в ферромагнетиках (1888). С 1893 г. до конца жизни профессор Казанского университета (в 1916—17 гг. — его ректор).

** В справке ошибка: М. М. Тихвинский родился в 1868 г. — следовательно, в 1911 г. ему 43 года,

дал вопрос, продолжать ли бывшую тогда студенческую забастовку дальше или приступить к занятиям. В том же году входил в состав Киевской группы „Союза профессоров“. В 1910 году входил в число членов Правления „Общества развития образования в народе“ и на его имя была послана из-за границы газета „Правда“. Подробные сведения о Тихвинском были представлены Директору Департамента полиции и Особому Отделу 24 марта 1906 года за № 1030».

гольм. Сведения о нефтяном деле для пересылки за границу он доставал также от других деятелей Наркомнефти. По его собственному заявлению он использовал П[етроградскую] Б[олевую] О[рганизацию] Таганцева для посылки за границу сведений о нефтяной промышленности».

В число арестованных по этому делу попали люди, далекие от политики. Об этом свидетельствует и обнаруженное нами письмо от 26 августа 1921 г. В. И. Ленину от руководителей Русского физико-химического общества Н. С. Курнакова, Л. А. Чугаева и И. И. Черняева: «Вместе с рядом других лиц, арестованных в Петрограде за последнее время (по Сапропелевому комитету), были подвергнуты личному задержанию три выдающихся деятеля по Чистой и Прикладной химии: профессор Технологического института Михаил Михайлович Тихвинский, профессор Инженерной Академии и член Совета Института прикладной химии Александр Иванович Горбов и профессор Политехнического института Борис Васильевич Вызов, будучи уверены в том, что названные лица арестованы случайно и по совершенному недоразумению и свидетельствуя, что они являются крупнейшими специалистами по важнейшим отделам химии и химической технологии и что научно-техническая деятельность их крайне необходима для выполнения ряда важнейших и ответственных работ в Республике, Совет Отделения химии Русского Физико-Химического Общества совместно с Организационным Комитетом Третьего Менделеевского съезда ходатайствует перед Вашей Советской властью о внеочередном допросе вышеназванных лиц и о скорейшем их освобождении» [7]. Ознакомившись с этим письмом 3 сентября (напомним, что 1 сентября уже появилось сообщение ВЧК о расстреле участников заговора, в том числе Тихвинского), Ленин в правом верхнем углу наложил резолюцию (для секретаря): «т. Горбунов! направьте запрос в ВЧК. Тихвинский не „случайно“ арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» [8]. Ручкой же Горбунова 12 сентября написано: «Запросил б.ИХ Уншлихта по телефону. Справку Уншлихт обещал дать 6 или 7/IX 21 г.

7/IX 21 г. т. Уншлихт ответа из Петрограда еще не получил.

12/IX 21 г. т. Уншлихт сообщил, что он ответ послал уже через секретариат Вл. Ил. дня 2-3 назад» [7, л. 1 об.].

Пока секретарь Ленина вел переговоры с зам. председателя ВЧК о судьбе уже расстрелянного Тихвинского, президент Российской Академии наук написал и 21 сентября 1921 г. направил Ленину следующее письмо:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Решительно не допуская мысли, что Вы сколько-нибудь причастны к событиям, опубликованным в „Петроградской правде“ 1-го сентября, я, молчаливый, но, по мере возможности, внимательный наблюдатель людей самых разнообразных положений, не могу не видеть, какое глубокое нравственное возмущение вызвали эти события своей неоправдываемой жесткостью, так слабо мотивированную, так ненужную и вредную для нашей страны и для истинных интернациональных интересов. Расстрел ученых граждан, которыми слишком бедна наша страна, например проф[ессора] Лазаревского или проф[ессора] Тихвинского, по удостоверению его сотоварищей по профессуре совершенно не причастного к активной политической деятельности, наносит непоправимый удар не только близ-

ким ему лицам, но и многочисленным настоящим и бывшим его ученикам и тем неизбежно создает враждебное отношение к современному порядку, при котором безответственная перед высшею властью группа лиц решает судьбу многих очень нужных, необходимых государству граждан без соблюдения элементарных гарантий справедливости приговоров. Единственная понятная большинству цель всего происшедшего — устрашение, но Вы по Вашему жизненному опыту знаете, что террор подобного характера цели этой не достигнет; напротив, обесценивая саму жизнь, он может вызвать такие явления, которые снова и снова потрясут нашу уже достаточно пострадавшую Родину.

Весь мир видит в Вас главу современного Правительства России, и Вы лучше меня знаете, какие меры нужно принять для ограждения своего имени и государства от грозящих ему новых бедствий.

Прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

Академик А. Карпинский
(Президент Рос[сийской] Академии наук)
21 — IX — 1921» [9].

Ответом на это письмо была помета на полях: «Горбунову, в архив».

В 1922 г. ГПУ ввело постоянное негласное наблюдение за интеллигентами. 8 июня 1922 г. Политбюро по докладу зам. председателя ВЧК И. С. Уншлихта «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» предложило ВЦИКу «издать постановление о создании особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более строгому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты СССР, а также для окончательного рассмотрения списков подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе тт. Уншлихта, Курского и Каменева» [10]. Началась настоящая охота на интеллигенцию, подавляющую часть которой составляли профессора и преподаватели вузов. Только за 1922 г. Политбюро 30 раз обсуждало меры по депортации «колеблющейся» интеллигенции (см. [11]).

Сопоставление жандармских списков «неблагонадежной профессуры» и чекистских списков «антисоветской интеллигенции» выявило своеобразный парадокс — в этих списках зачастую фигурируют одни и те же лица.

10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) утвердило список высылаемых за границу, предложив ГПУ «подвергнуть обыску всех, арестовать только тех, относительно которых имеются опасения, что они могут скрыться. Остальных подвергнуть домашнему аресту» [12].

Власть подготавливала общественное мнение к восприятию и оценке этой беспрецедентной акции. 31 августа 1922 г. «Правда» поместила передовую под названием «Первое предостережение»: «По постановлению Государственного политического Управления, наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов выселяются частью в северные губернии России, частью за границу. Если этим господам не нравится в Советской России, пусть они наслаждаются всеми благами буржуазной свободы за ее пределами <...> Среди высылаемых почти нет крупных научных имен. В большинстве это — политиканствующие профессора, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами. Но и эта высылка должна лишним раз напомнить рабочим и крестьянам, как мало еще у них собственной интеллигенции и как много еще предстоит сделать пробудившимся к сознательной жизни массам для создания своей собственной культуры, своих ученых, своих профессоров, врачей, агрономов и специалистов всякого рода. Эта работа по привлечению широких масс к науке уже началась, и она будет продолжаться.

Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям».

В служебной записке Ленину от 13 августа 1922 г. Уншлихт докладывал: «Согласно Вашего распоряжения посылаю списки интеллигенции по Москве, Питеру и Украине, утвержденные Политбюро. Операция произведена в Москве и Питере с 16-го на 17-е, на Украине с 17-го на 18-е. Московской публике сегодня объявлено постановление о высылке за границу и предупреждение, что ее самовольный въезд в СССР карается расстрелом. Ежедневно буду Вам посылать сводку о ходе высылки» [13, лл. 1—1 об.].

Приведем выдержки из списка высылаемых: «Воскресенский Михаил Александрович, профессор Харьковского Технологического института. В прошлом б[ывший] статский советник. Работает с 1898 г. Носит звание адъютант-профессора*. В 1915 г. выбран в профессора. Своим поведением дает мало материала и походит своею странностью на тип юродивого. Всецело находится под влиянием Красусского. <...> Наркомпросом характеристика частично подтверждается, но вместе с тем указывает, что Воскресенский является типом особенно вредным и активным черносотенцем во всех отношениях.

Кастерин Николай Николаевич, проф. Активный враг советской власти. В течение 2-х лет не выполнял учебного плана... Работает в Мединституте, где все время открыто занимается саботажем, за что и был вычищен при чистке и сокращении штатов. Наркомпросом характеристика подтверждается» [13, л. 4]. В списке — 77 справок, похожих одна на другую как две капли воды, с неповторимой стилистикой и полным отсутствием каких бы то ни было указаний на конкретные «преступления» поднадзорных. Не обратив, однако, внимания на это последнее обстоятельство, Комиссия Политбюро ЦК РКП(б) (Уншлихт, Каменев, Курский, Манцев, Решетов), рассматривавшая этот список 9 августа 1922 г., постановила: «Не входя в обсуждение отдельных лиц, ввиду утверждения всего списка ЦК КПУ Комиссия этот список утверждает» [13, л. 2].

Вероятно, высшее руководство страны все-таки сочло доводы чекистов о необходимости высылки ряда профессоров недостаточно убедительными. С целью их проверки и выявления лиц, «считающихся незаменимыми в своей отрасли», с 31 августа 1922 г. начала работу комиссия под председательством Дзержинского «по пересмотру ходатайств об отмене высылки лиц, о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на местах» [13, лл. 15—16]. Программа дальнейших действий ГПУ по высылке интеллигенции содержится в записке Дзержинского своему заместителю Уншлихту от 5 сентября 1922 г.: «...Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разделить по группам. Примерно: 1) беллетристы, 2) публицисты и политики, 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.), 4) техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.), 5) профессора и преподаватели и т. д. и т. д. Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашими отделами. Сведения должны проверяться с разных сторон, так чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения. Надо в плане далее наметить очередность заданий и освещения групп. Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддерживать совет [скую] власть...» (цит. по [14]).

Началось «перетряхивание» уже составленных списков на высылку за границу. Так, «дополнительный список антисоветской интеллигенции (профессуры Москвы)»,

* Так в тексте. Разумеется, имеется в виду должность адъюнкт-профессора.

составленный 31 июля 1922 г. и включивший 69 человек, пестрит пометками против фамилий: Н. Р. Брилинг — «не высылается, числится за контрразвед[ывательным] отд[елом] ГПУ, привлекается к ответственности за контрреволюцию»; П. А. Велихов — «передано дело в Контрреволюционный отдел ГПУ для привлечения к ответственности за контрреволюцию, содержится под стражей»; П. А. Нальчикский — «высылается, сидит под стражей»; С. Л. Франк — «высылается, на свободе»; А. А. Кизеветтер — «высылается, на свободе»; Н. А. Бердяев — «высылается, на свободе»; Н. А. Изгарышев — «от высылки освобожден, производится формальное расследование по существу его оставления в РСФСР»; В. А. Мякотин — «высылается, на свободе»; Ф. А. Степун — «не разыскан» и т. д. [15, л. 3]. Аналогичные пометы на списке высылаемой петроградской интеллигенции [15, лл. 6—7].

Сразу же после Октябрьской революции в России сложилась система «ходатайств» и «поручительств», которая была пущена в ход и при пересмотре списков на высылку. Однако не всегда вмешательство поручителей оканчивалось благополучно для того, о ком хлопотали. Яркий тому пример — трагическая судьба талантливого инженера и организатора горной промышленности профессора Петра Акимовича Пальчинского (1875—1929). Окончив в 1900 г. Петербургский горный институт, он работал горным инженером, затем управляющим каменно-угольными шахтами. За участие в революционном движении подвергался арестам, в 1906—1908 гг. жил на поселении в Забайкалье. Затем 5 лет работал в качестве представителя Совета союза горнопромышленников за границей, где подготовил к печати капитальный 4-томный труд «Торговые порты Европы». В 1913 г. вернулся в Россию и возглавил Комитет военно-технической помощи; в 1916 г. организовал и стал издавать журнал «Поверхность и недра», освещающий проблемы изучения и методы использования естественных богатств России. В первом номере этого журнала выступил с программной статьей «Земля наша велика и обильна», в которой обосновал необходимость и предложил план систематического и планомерного исследования природных ресурсов. С февраля 1917 г. стал членом Временного правительства и как таковой 25 октября (7 ноября) 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но в марте 1918 г. выпущен на свободу. В апреле того же года Пальчинский организовал и возглавил научно-исследовательский институт «Поверхность и недра», участвовал в создании «Лиги культурно-экономического возрождения Петрограда и его региона», но после одного из заседаний Лиги 25 июня 1918 г. был вновь арестован и без предъявления каких-либо обвинений посажен в тюрьму. Сотрудники Комитета военно-технической помощи, Русское техническое общество, отдельные ученые обращались к Ленину, Троцкому с ходатайством об освобождении Пальчинского [16]. Зам. председателя ВСНХ Г. И. Ломов-Опловков обратился к Ленину со следующим письмом: «Дорогой Владимир Ильич! Считаю при данных условиях возможным освобождение известного горного инженера Пальчинского — знатока дела горных сланцев, бывшего товарища министра Керенского и генерал-губернатора Питера при них же. Фигура эта в техническом отношении очень крупная и, конечно, о нем Вам много может порассказать Леонид Борисович (Красин. — *Прим. авт.*). В интересах налаживания топливного и горного дела я прошу Вас принять меры к его освобождению. Сидит около 10 месяцев. По убеждениям правый ср (социалист-революционер. — *Прим. авт.*)» [17]. 3 декабря 1918 г. Ленин в телеграмме Зиновьеву в Петросовет [18] просил немедленно решить вопрос о деле Пальчинского. 17 марта 1919 г. Пальчинский вышел на свободу. Он преподавал в Петроградском горном институте, был избран председателем Русского технического общества. Но уже в рапорте ВЧК Ленину от 27 августа 1922 г. мы снова читаем: «...арестованы и содержатся во внутренней тюрьме 14 человек, указанных в предыдущей сводке, и арестованный 25 августа Пальчинский» [19]. Речь здесь шла о высылке за границу. Но очередное заступничество помогло Нальчикскому избежать изгнания. Он снова на свободе и работает. В мае 1923 г. он выступил на Общем собрании Русского техниче-

ского общества с целостной программой участия научно-технической интеллигенции в подъеме хозяйственной жизни страны. В том же году вышла в свет составленная по методике Пальчинского «Дазиметрическая карта Европейской части России» — карта плотности населения, вызвавшая восторженные рецензии ученых США и Швеции. В 1924—1925 гг. под его редакцией вышли 5 выпусков труда «Естественные минеральные строительные материалы Европейской России». Но работа его была снова прервана. В апреле 1928 г. Пальчикский арестован по сфабрикованному «делу промпартии», а в мае 1929 г. расстрелян.

Судьбу его повторили тысячи ни в чем не повинных людей — цвет нашей интеллигенции.

Сейчас, по прошествии десятилетий, массовая высылка интеллигенции в 1922 г. — первая и последняя в истории советского государства — начинает казаться почти актом гуманизма по отношению к депортированным: она сохранила им жизнь. Разумеется, на Западе судьба у каждого сложилась по-своему и далеко не всегда благополучно, однако большинство ученых-эмигрантов получили за рубежом возможность работать с полной отдачей и, уже будучи за границей, стали авторами выдающихся открытий и капитальных научных трудов.

Не хочется проводить параллелей с современностью, но сегодняшний массовый и теперь уже добровольный отток за рубеж самых ярких представителей российской науки заставляет задуматься об, увы, таких прочных традициях «нелюбви» государства к своим ученым.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 96. Д. 1872. Л. 1 об.
2. Там же. Д. 1563. Лл. 6—6 об.
3. ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство, 1907 г. Оп. 204. Д. 4045. Л. 4.
4. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 240. Д. 336.
5. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 96. Д. 736. Лл. 19—19 об., 74.
6. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел, 1910 г. Д. 59. Лит. А.
7. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20625. Л. 1.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 169.
9. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20968. Лл. 1, 1 об., 2.
10. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 296. Л. 3- »
11. Всех их вон из России / Публ. А. Массальской, И. Селезневой // Родина. 1990. № 10. С. 67.
12. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 307. Л. 2.
13. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603.
14. Коган Л. А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 66.
15. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1245.
16. ГАРФ. Ф. Р-3348. Оп. 1. Д. 167. Лл. 5, 9—11, 12—13 об.
17. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1159. Л. 1.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 214—215.
19. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 14.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории